

Филипп Клодель

СОБАЧИЙ АРХИПЕЛАГ

Филипп Клодель

Собачий архипелаг

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Клодель Ф.

Собачий архипелаг / Ф. Клодель — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098585-2

Эта история могла произойти где угодно, и героем ее мог быть кто угодно. Потому что жесткость, подлость и черствость не имеют географических координат, имен и национальностей. На Собачьем архипелаге случается происшествие: на берег выбрасывает три трупа. Трое чернокожих мужчин, вероятно нелегальных мигрантов, утонули, не доплыв до возжеленной земли, где рассчитывали обрести сносную жизнь. Влиятельные люди острова решают избавиться от трупов, сбросив их в кратер вулкана: в расследовании никто не заинтересован, особенно те, кто зарабатывает на несчастных нелегалах. Но, как всегда, в толпе жестоких и равнодушных находится тот, кто жаждет справедливости. И, как всегда, он обречен. Но есть высший суд — он не позволит тем, кто повинен в смерти других, жить спокойно. Остров превращается в город, описанный «в одном русском романе»: мертвый город, превращенный в Зону. Город, в который никогда не вернется жизнь.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-098585-2

© Клодель Ф., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	25
-----------------------------------	----

Филипп Клодель

Собачий архипелаг

*Скажите, в котором часу меня должны поднять на борт.
Последние слова, написанные Артюром Рембо¹*

*За каждый миг без боли и страданий
Будь благодарен жизни, человек.
Но трижды – смерти, исцеляющей навек.*

Джакомо Леопарди²

Philippe Claudel
L'Archipel du chien
Copyright © Stock, 2018
Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

I

Вы жаждете злата и сеете пепел.

Оскверняете красоту и бесчестите невинность.

После вас повсюду остаются потоки грязи. Ненависть – пища ваша, безразличие – компас ваш. Порождение дремоты, вы всегда полусонны, даже когда думаете, что бодрствуете. Вы – продукт дремлющей эпохи. Чувства ваши эфемерны, словно вылупившаяся бабочка, мгновенно сгорающая от дневного света. Вы лепите свою жизнь из сухой и никчемной глины. Одиночество сжирает вас с потрохами. На своем эгоизме вы жиреете. Поворачиваетесь спиной к ближнему и теряете душу. Короткая память – закваска вашего естества.

Как грядущие века оценят прожитое вами время?

Предлагаемая вашему вниманию история настолько реальна, что способна стать историей любого. Описываемые события могли произойти где угодно. Слишком удобно было бы думать, что они могли произойти в каком-нибудь другом месте. Имена персонажей не имеют значения. Можно было дать им другие. Например, ваши. Вы похожи на моих героев, словно отлиты с ними из одной формы.

Предвижу, что рано или поздно вы зададите мне резонный вопрос: а был ли ты сам свидетелем случившегося? Отвечу: да, был. Как, впрочем, и вы, но вы предпочли этого не заметить. Вы ничего не хотите видеть. Но я вам напомним. Да, уж таков я, возмутитель спокойствия. От моего взгляда не укрыться. Я вижу все, знаю все. Но имя мне – ничто, и я хочу остаться бестелесным. Не мужчиной и не женщиной. Я – голос. Просто голос. Поведав эту историю, я предпочту не выходить из тени.

События, о которых я собираюсь рассказать, произошли вчера. Или несколько дней назад. Может, год или два назад. Не раньше. Я говорю «вчера», а стоило бы сказать «сегодня». Вчерашний день людям не интересен. Они живут настоящим и строят планы на будущее.

² Джакомо Леопарди (1798–1837) – итальянский романтический поэт, филолог.

История эта произошла на одном острове. Остров как остров, ничем не примечательный: ни размерами, ни природными красотами. Находится он не так уж далеко от родной страны, совершенно о нем забывшей, и довольно близко к другому материку, чьи жители и не подозревают о его существовании.

Остров этот – часть *Собачьего архипелага*.

Если посмотреть на карту, никакой *Собаки* сразу не увидишь. Она умело прячется. Ребя-тишки в школе пытались разглядеть, но у них ничего не получалось. Учительница, в незапамятные времена прозванная Старухой, сначала забавлялась их стараниями, а затем изумлением, когда концом указки провела по карте, обрисовав морду. И Собака возникла из небытия. Дети испугались. Она напоминала существа, истинная природа которых до поры остается неизвестной, однако стоит приблизить их к себе, как в один прекрасный момент они вцепятся тебе в глотку.

Вот она, Собака, нарисованная на тонкой бумаге. Раскрытая пасть, ощеренные клыки. Еще секунда, и она вопьется ими в длинную бледно-голубую полосу, испещренную цифрами, обозначающими глубины, и стрелками, показывающими течения. Челюсти – два продолговатой формы острова, язык – еще один остров. Зубы – тоже острова: одни заостренные, другие массивные, квадратные, и есть узкие и вытянутые, как кинжалы. Место, где произошла эта история, – единственный обитаемый остров архипелага, находящийся в самом конце нижней челюсти. На границе безбрежной сини – добычи, которая еще не знает, что на нее нацелились.

Жизнью остров обязан возвышающемуся над ним вулкану, который тысячелетиями извергал лаву и плодородные шлаки. Имя ему *Бро*. Звучит по-варварски. В былые времена детям он внушал страх, когда остров еще оглашали их крики и смех. Уже много лет после последнего «дня гнева» вулкан дремлет. Кратер его покоится в подушке тумана. Послеобеденный сон Бро длится очень долго. Иногда вулкан отрыгивает камень-другой, временами из его недр вырывается глухой шум. По его телу пробегают судороги: он словно путник, вздрагивает и ворочается во сне с боку на бок.

Тело Собаки едва намечено скоплениями островков, подобных крошкам, оставленным на обеденном столе после семейной трапезы. Все они необитаемы. Остров, о котором идет речь, напротив, отмечен пульсацией живой крови. Он словно край Земли перед лицом лазурной бесконечности. Когда-то в глубокой древности, вероятно, еще во времена финикийцев, здесь возникло поселение рыбаков – потомков пиратов и морских грабителей³, попавших на остров либо в результате кораблекрушения, либо нашедших там укромный уголок для подсчета добычи.

На острове веками выращивали виноград, оливы, каперсы. Каждый обработанный арпан⁴ земли свидетельствовал об упорстве предков, с которым они терпеливо отбирали его у вулкана. Здесь, если ты не занимался земледелием, то был рыбаком. Другой судьбы быть не могло. Молодежь часто не хотела ни того, ни другого. И уезжала. За отъездом никогда не следовало возвращения. Так было всегда.

На Собачьем архипелаге и погода была собачьей. Лето иссушало и людей, и землю. Зима все сковывала стужей. Била пронизывающими ветрами и ледяным дождем. Месяцами тянулось вынужденное безделье дрожавших от холода островитян. Дома их обошли весь свет в виде фотографий в глянцевых журналах. Архитекторы, этнологи, историки пришли к выводу, не спросив мнения их хозяев, что эти жилища – «всемирное наследие». Сначала это вызвало смех у местных, а потом стало их раздражать: они не могли ни разрушить, ни перестроить своих домов.

³ Морские грабители, или береговые пираты, – жители побережья, которые присваивали себе обломки и грузы судов, потерпевших кораблекрушение; нередко они выставляли так называемые ложные маяки и провоцировали кораблекрушения.

⁴ Древнефранцузская единица измерения, около 3424,6 м².

Завидовали этим постройкам те, кто никогда в них не жил. Глупцы. Из плохо пригнанного лавового камня, они казались грубыми, бесформенными жилищами хоббитов. Недружественные дома. Неудобные. Темные и шишковатые. В них либо задыхаешься, либо мерзнешь. Дома, которые берут в оборот и подавляют, со временем превращая людей в свое подобие.

Вино на острове было красным, тяжелым⁵ и сладким. Изготавливалось оно из уникального сорта «мюрула», росшего только здесь. Виноградины походили на сорочьи глаза – маленькие, черные, блестящие, лишённые матового налета. Собранный к середине сентября урожай раскладывали на невысоких оградках, защищавших от ветра виноградники и плантации каперсов, прикрывая его тонкой сеткой от птиц. Ягоды сушились две недели, затем из них выжимали сок, и дальше процесс превращения сока в вино, или ферментация, происходил в прохладе узких и длинных пещер-погребов, вырытых на склонах Бро.

Разлитое по бутылкам, оно обретало цвет бычьей крови и не пропускало света. Дитя сумерек и чрева земли, оно было вином богов. Когда ты его пил, в рот и горло проникали солнце и мед, но вместе с тем и соки бездонных глубин ада. Старики говаривали, что пить его все равно что сосать грудь Афродиты и Гадеса⁶ одновременно.

II

Все началось на пляже в один сентябрьский понедельник. Неизвестно, почему эту часть берега называли пляжем: там никто никогда не купался из-за острых обломков скал и сильного течения, да и позагорать толком было нельзя, так как его покрывали вулканическая шершавая галька и камни.

По пляжу ежедневно в любую непогоду прогуливалась Старуха, бывшая учительница. Все жители острова перебивали у нее в учениках. И ей была хорошо знакома каждая семья. Она здесь родилась и умрет здесь. Никто ни разу не видел ее улыбающейся. Никто не знал, сколько ей лет. Должно быть, около восьмидесяти. Пять лет назад, к огромному ее сожалению, Старухе пришлось оставить школу. В это время, в первые светлые часы дня, она как раз совершала прогулку вместе со своей собакой – беспородной псиной с грустными глазами, любимым занятием которой было гоняться за чайками.

По пляжу Старуха всегда прохаживалась одна. Ни за что на свете она не отказалась бы от этой прогулки по краю моря в месте, словно вырванном из пейзажа северной страны, Скандинавии или Исландии, и брошенном на этот остров, чтобы наполнить души людей вечной тоской.

В тот день собака, по своему обыкновению, вертелась возле хозяйки, подскакивая за большими презиравшими ее птицами. Дело шло к дождю. Он пока лишь накрапывал, мелкий и холодный, а на море уже появлялись не предвещавшие ничего хорошего волны: небольшие, но упорные, обрушивающиеся на берег грязной пеной.

Вдруг собака замерла, потом залаяла и бросилась в сторону, пробежав метров пятьдесят краем пляжа в направлении трех больших продолговатых предметов, которых море выбросило на берег, но, словно не решаясь с ними расстаться окончательно, продолжало покачивать, набегая волнами. Собака обнюхала их и повернулась к Старухе, издав протяжный жалобный вой.

В ту же минуту еще два человека заметили эти предметы. Местный холостяк по имени Америка – отчасти виноградарь, отчасти разнорабочий, время от времени приходивший на пляж посмотреть, что принесло течением: бидоны, упавшие за борт, оторванные доски, сети, обрывки снастей, плавучие бревна. Увидев их издалека, он слез с повозки, похлопал по боку

⁵ Тяжелое вино – дегустационная оценка плотного вина с высоким содержанием спирта.

⁶ Гадес (Аид) – в греческой мифологии бог подземного царства мертвых.

ишака, велел ему не двигаться и оставаться на тропе. Вторым был Спадон⁷, прозванный так за то, что, не отличаясь большой ловкостью в обычной жизни, он был на острове одним из лучших охотников на рыбу-меч, знавший досконально ее повадки, места обитания, характер и жизненные циклы, перемещения и уловки.

В тот день рыбаки в море не вышли: уж больно отвратительная выдалась погода. Спадон работал на Мэра – не только главу местной управы, но и самого крупного из здешних капитанов-промысловиков. Он владел тремя моторными лодками да еще холодильными складами, где мог хранить улов – как свой, так и тех рыболовов-предпринимателей, кому такие камеры были не по карману. Двумя днями раньше, когда все были в море, порывом ветра у Спадона сорвало три поплавка, крепившихся на садках для лангустов, которые он установил в прибрежной зоне для личных нужд, взяв для этого лодку на целые сутки с согласия Мэра. В тот понедельник Спадон и явился на пляж, чтобы посмотреть, не прибило ли поплавки течением. Насторожил его тоскливый вой собаки.

Пес стоял в стороне от Старухи, и та его не слышала. Вдруг Спадон увидел, как она заспешила, споткнулась о камень, едва не упав, и снова побежала. И тогда рыбак почувствовал: что-то произошло. Тут он и заметил Америку, бросившего повозку и тоже направлявшегося к собаке.

Все трое одновременно подошли к месту, где лежали три продолговатых предмета, казавшихся живыми из-за то набегавших, то откатывавших волн. Собака посмотрела на хозяйку, подвывая, и принялась обнюхивать то, что недавно извергло море: тела троих чернокожих мужчин, одетых в футболки и джинсы, босых. Казалось, они спали, уткнувшись лицом в черный песок.

Старуха заговорила первой:

– Что стоите? Вытащите их из воды!

Мужчины переглянулись и выполнили приказ. Мгновение они колебались, не зная, как перетаскивают трупы. Потом взяли их под мышки, и, пятась, отволокли на темную гальку, и положили в ряд.

– Не так же их оставлять. Переверните!

Они снова замешкались, потом перекатали каждого на бок, а затем на спину, открыв лица мертвецов.

Каждому из утопленников не исполнилось и двадцати. Глаза у всех были закрыты. Они словно уснули глубоким сном, который вывернул им наружу губы, а кожу расцветил большими фиолетовыми пятнами; на лицах покойных будто застыл упрек.

Старуха, Америка и Спадон одновременно перекрестились. Собака пролаяла трижды. Снова раздался голос Старухи:

– Америка, у тебя в повозке брезент найдется?

Тот, кивнув, удалился.

– А ты, Спадон, ступай, предупреди Мэра. Ни с кем об этом не говори. Приведи его сюда. Да не тяни резину.

Не возразив ни словом, Спадон побежал. Смерть всегда вызывала в нем ужас. Всю прошлую ночь бушевал ветер, и ревущее море выплевывало на остров соленую пену, прямо под двери жилищ, просачиваясь сквозь плохо пригнанные каменные блоки и дымоходы. Никто не мог из-за этого уснуть, ворочаясь в постели и постоянно вставая – то по нужде, то выпить стакан воды.

Старуха с собакой остались возле тел. Зрелище впечатляло: будто ты стоял в музее перед картиной, которая определенно собиралась что-то сказать, но ты все задавал и задавал себе вопрос: что же именно? Безбрежное море, тела троих молодых чернокожих мужчин, старая

⁷ Спадон (эспадон) – тип двуручного меча.

женщина и собака рядом с ними. Послание? Несомненно. Только что оно должно было донести?

Америка вернулся с голубым полиэтиленовым тентом.

– Накрой! – потребовала Старуха.

Тела исчезли под синтетическим саваном. Америка положил камни по краям, чтобы его не снесло ветром, который все норовил вырваться из-под низа с резким пронзительным шумом, словно рядом устанавливали купол шашито.

– Как вы думаете, учительница, откуда они?

Несмотря на его сорок лет, грубые мужицкие руки и морщинистое, подобно высохшему куску мыла, лицо, к Америке будто вернулись неуверенность и тонкий голос подростка. Он зажег сигарету.

– А сам-то что думаешь? – резким тоном спросила Старуха.

Америка пожал плечами, глубоко затянулся в ожидании, что за него сформулируют истину, которую он не осмеливался озвучить. Но поскольку Старуха молчала, он пробормотал, точно ученик, сомневающийся в своем ответе, указав подбородком на бледную даль юга.

– Может, оттуда?..

– Разумеется, оттуда. Не с неба же они свалились! Правда, ты большим умом никогда не отличался, но ведь смотришь же телевизор, как все, или нет?

III

Спадон не стал тянуть резину. Не прошло и получаса, как он показался из-за уступа скалы, перегородившей пляж и заслонявшей вид на город и порт. Вместе с ним шел Мэр, а рядом следовал третий, в чьей грузной и сутуловатой фигуре все без труда узнали Доктора.

Увидев его, Старуха выругалась сквозь зубы. Собака радостно встретила вновь прибывших, рассчитывая на ласку, которой не дождалась.

– Что за тайны мадридского двора! Этот кретин мне так ничего и не сказал!

Виновный опустил голову. Мэр нервничал. Шестидесятилетний, как и Доктор, которого он знал с детства, Мэр был тощим, словно жердь, с сухим желтым лицом и седыми волосами, в то время как его приятель ростом и статью напоминал бочонок. Врач, лысый и краснолицый, с густыми нафабранными усами, закрывавшими верхнюю губу, никак не мог отдышаться. Его льняной костюм, некогда элегантный, теперь пестрел пятнами и прорвался в нескольких местах. На Мэре был простой рыбацкий комбинезон.

– Я просила позвать только Мэра.

– Да мы с Доктором вместе работали над проектом талассоцентра, будь он неладен. Скажете вы нам, в конце концов, что происходит?

– Покажи им.

Америка понял. Он нагнулся и подобрал с тента три удерживавших его голыша. Ветер сразу устремился под покров, надув его, словно беременный живот. В то же мгновение с неба камнем упали две огромные встревоженные чайки. Едва не полоснув крыльями по головам людей, которые инстинктивно втянули их в плечи, птицы тут же взмыли вверх, растаяв в облаках.

Стоило Америке открыть тела, как с лица Доктора немедленно сошла доброжелательная улыбка. У Мэра вырвалось ругательство, произнесенное им на диалекте тысячелетней, а то и больше, давности, где арабские слова соседствовали с испанскими и греческими. Избороздившие его лоб морщины свидетельствовали о том, что он понимал, сколько забот у него возникнет в связи с этим событием, истинный масштаб которого ему вдруг открылся.

Но самым удивительным, а вернее сказать, самым невероятным, был голос, внезапно донесшийся до них. Голос, не принадлежавший никому из присутствующих и заставивший всех вздрогнуть, будто среди них появился сам дьявол.

Путаница в мыслях и постепенно овладевавшее всеми чувство, что находящееся перед их глазами – не кошмар, не эпизод сериала, не страница детектива, а самая настоящая реальность этого промозглого сентябрьского дня, – помешали им услышать шаги приблизившегося человека, чей тихий, но полный ужаса голос прорвал тишину, как гной – нарыв, произнеся трижды: «Бог ты мой!» Вот отчего все вздрогнули и мгновенно ощутили враждебность к пришедшему: кому приятно, когда тебя застают в момент слабости и страха.

Взывавший к Богу был Учителем. Он работал в школе, приняв эстафету у Старухи. Учитель не родился на острове, а значит, считался чужаком. Старуха его не любила, да и вряд ли она вообще могла кого-то любить. Конечно, рано или поздно ей пришлось бы передать класс, но именно Учителя она воспринимала как вора. Он украл у нее работу, украл учеников, украл школу. Она его ненавидела.

У него была жена, по слухам, прежде работавшая медсестрой. Сначала она пыталась устроиться по специальности, но никто не предложил ей места. Тогда она попробовала открыть медпункт в школьной пристройке, но люди на острове привыкли лечиться сами, а в серьезных случаях обращались к Доктору. В конце концов ей пришлось запереться в четырех стенах, ничего не делая и изнывая от скуки. Остров стал ее образом жизни и тоской.

Поговаривали, что она чахнет, как брошенный на подоконнике домашний цветок, который почти не поливают. У супругов были десятилетние дочери-близняшки. Две веселые, беззаботные птички. Девочки никогда не разлучались и играли только друг с дружкой.

В то утро на Учителе были зеленые шорты, белая облегающая футболка с логотипом сотового оператора и кроссовки. Икры и ляжки он чисто выбривал, как профессиональный спортсмен. Кожа у него была по-женски ухоженной. Каждое утро Учитель совершал длительную пробежку, принимал душ, а уж потом отправлялся на занятия. Сейчас он не сводил глаз с трех мертвецов, в то время как внимание остальных полностью переключилось на него.

– Какого черта вы здесь забыли? – бросил ему Мэр.

– Бегал, как обычно. Увидел повозку и осла Америки. А вдалеке – всех вас. Потом полиэтилен. Тогда я догадался...

– Ну и о чем вы догадались?

Тон Старухи был не менее резким, чем у Мэра.

– О том, что произошло что-то необычное. Что-то серьезное. Я узнал Доктора, затем господина Мэра... Бог ты мой!

Он и не думал скрывать свое потрясение, в отличие от остальных, которые, хотя и были выбиты из колеи не меньше, но скорее дали бы себя убить, чем признались в этом. Несмотря на мощную рельефную фигуру, несмотря на силу, которая сочилась из всех пор его молодого натренированного тела – ему было слегка за тридцать, – Учитель казался беззащитным и уязвимым. Ему никак не удавалось перекрыть хлещущий ужас и остановить восклицания, куда имя Бога вливалось тоненькой струйкой чистой воды.

Старуха сделала это за него:

– Да оставьте же Бога в покое!

Учитель смолк. Больше никто не произнес ни слова.

Было еще рано. Едва ли восемь часов. Купол облаков опустился ниже, и рассвет окончательно растворился в ровной белесой мгле наступившего дня. Ветер, дувший с моря, усилился, и волны подобрались к ногам горстки людей, стоявших на берегу. Им пришлось отступить, чтобы не промокнуть. Всем вдруг стало холодно. Учителя, так того просто било мелкой дрожью. Кожа на его руках и ногах покрылась пупырышками, как у ошипанного цыпленка. И только три утопленника оставались спокойными и невозмутимыми.

Первым заговорил Мэр:

– Нас здесь шестеро. Шестеро, кому все известно. И все шестеро будут держать рот на замке. Вечером в девять мы встретимся в мэрии, а за это время я обдумаю наши последующие шаги.

– Последующие шаги?.. – удивился Учитель, стуча зубами.

– Молчите! – отрезал Мэр. – Вечером все обсудим. Но если кто-нибудь из вас заговорит или не явится на встречу, клянусь, что сниму со стены ружье и разделаюсь с болтуном.

– А с ними что будем делать? – спросила Старуха.

– Мы займемся этим со Спадоном. Америка, оставишь нам повозку и осла. Остальные могут уходить. И ты, Америка, тоже. Нас двоих вполне хватит. До вечера. И помните: я не из тех, кто бросает слова на ветер.

Все разбрелись. Старуха продолжила прогулку, словно ничего не произошло. Собака вертелась возле нее, довольная, как могут быть довольны только животные, живущие настоящим: не знающие ни прошлого, ни мук и вопросов будущего.

Силуэт Старухи вскоре растаял вдали. Учитель хотел было возобновить пробежку, но не вышло: он споткнулся несколько раз, затем перешел на шаг и двинулся дальше без цели, как автомат, часто оглядываясь на утопленников. Доктор направился к городу вместе с Америкой, а Спадон тем временем вернулся на пляж с ишаком и повозкой. Мэр принялся обшаривать свои карманы.

– Ищите что-то, патрон?

– Сигарету.

– Вы вроде бросили?

– Бросил или нет, тебе какое дело?

– Да я так, к слову.

– Дай-ка мне твои.

Спадон протянул пачку, и Мэр вытащил сигарету. Рыбак дал ему прикурить. Мэр сделал две глубокие затяжки, одну за другой, и закрыл глаза. Спадон погладил осла, не сводя взгляда с трех трупов.

– И что теперь будет?

– А что будет?

– Ну, что произойдет дальше?

Мэр пожал плечами и сплюнул.

– Ничего. Ничего не произойдет. Этого не было.

– Как это не было?

– А так. Через пару недель тебе покажется, что все это тебе приснилось. А если заговоришь со мной об этом, я скажу, что не понимаю, о чем речь. Ясно тебе?

– Даже не знаю.

– Я говорю о воспоминаниях. Можно их хранить, а можно натереть, как кусок сыра в суп. И тогда они исчезают. Это хоть понятно?

– Это понятно. Сыр растворяется в супе. Привкус, правда, остается. Но если пропустить стаканчик, и он пропадет. И ничего не останется.

– Точно, стаканчик вина, и готово. Ну-ка пошли, Старуха на нас смотрит.

Бывшая учительница остановилась в сотне метров, словно надумала вернуться и подойти к ним, чертова карга: прямая, как кинжал, с вертящейся возле нее псиной. Спадон подхватил первый труп под мышки, Мэр взялся за ноги. Они запихнули его в повозку и так же поступили с остальными двумя. Рыбак накинул сверху тент и закрепил его. Теперь в повозке ничего нельзя было разглядеть, кроме синего полиэтилена. Мэр устроился на доске, служившей сиденьем. Спадон присоединился к нему и, взяв поводья, развернул ишака в сторону города.

Пляж вновь обрел бесстрастную уединенность.

IV

Для каждого из действующих лиц день тянулся дольше века, и все с облегчением встретили сумерки. В девять вечера, пока снаружи ночь взбивала в темную массу море и небеса, Мэр накрепко закрыл двери в зале заседаний и задернул бархатные шторы, к которым с давних пор никто не прикасался. От них к двум люстрам с подвесками – единственной роскоши в этом помещении – взметнулись облака рыжей пыли, осевшие на головах и плечах людей, собравшихся за большим овальным столом.

Мэр занял стул председательствующего. Он сделал это с церемонной торжественностью, переместив на него свое тельце пожилого ребенка, по-прежнему храня молчание. Затем обвел взглядом присутствующих: все шестеро, утром волей судьбы оказавшиеся на пляже, были на месте.

– Мы со Спадоном перенесли останки в надежное место, где ни одна живая душа не сможет их обнаружить. Ключ есть только у меня.

Он достал из кармана что-то плоское и матово поблескивающее с несколькими отверстиями: алюминиевую пластинку, которая ничем не напоминала обычный ключ, и положил ее перед собой, дав всем возможность хорошенько ее рассмотреть.

– Я весь день размышлял над тем, что нам надлежит сделать, и предполагаю, что вы тоже.

Сменивший спортивную форму на пристойный костюм Учитель, чье лицо до сих пор хранило следы величайшего потрясения, тотчас же его перебил:

– Как это что «надлежит сделать»?! Поставить в известность власти! Что же еще? Утром я был настолько шокирован, что едва не лишился рассудка. Я с уважением отнесся к вашим словам и ничего никому не сказал, и все же я не понимаю, что мы здесь обсуждаем, вместо того чтобы поскорее связаться с полицией и судебными властями. Потерять целый день после такого происшествия – это, по меньшей мере, непростительно!

Учитель смолк. Он оглядел собравшихся в поисках поддержки, но все сидели, опустив головы, за исключением Доктора, который смотрел на него, участливо улыбаясь, да Старухи, буравившей его светлыми глазами с такой настойчивостью, что он поневоле отвел взгляд. Он очень часто дышал, с трудом сглатывая слюну. Мэр внимательно посмотрел на Учителя, прежде чем ответить:

– Напоминаю, что в обязанности мэра входит и обеспечение правопорядка, поскольку у нас нет комиссариата полиции. Я – единственный из обитателей острова, кто наделен этой властью. И которой я ни разу не воспользовался, как всем известно, поскольку жили мы всегда спокойно. Даже если я и не обладаю полномочиями судебной власти, именно мне положено решать, стоит или не стоит привлекать к делу следователя и судью с континента.

– По-вашему, три трупа – это недостаточно серьезный повод для привлечения судебных властей? – вставил слово Учитель. – Сколько вам их нужно, чтобы взять в руки телефон – пять, десять, двадцать, сотню?

От смелости щеки Учителя порозовели. Он снова уставился на Мэра, глаза которого чуть не вылезли из орбит. Было слышно, как тот заскрежетал зубами. Мэр продолжил речь, но таким тихим голосом, что всем пришлось напрячь слух, чтобы хоть что-нибудь разобрать.

– Тела осмотрел врач. На них не обнаружено следов насильственных действий. Поправь, если что не так: ты ведь не увидел на них ран, не правда ли?

Доктор, массиравший себе живот, улыбаясь, подтвердил.

– Нет никаких признаков того, что эти несчастные стали жертвами агрессии или убийства. Они утонули, пробыв в воде незначительное время, о чем свидетельствует отсутствие на телах ран и царапин от ударов о скалы и повреждений, которые могли причинить им крабы, рыбы или гребные винты судов.

– А как насчет вскрытия, Доктор? – заметил Учитель, с усилием сглатывая, будто это слово, тысячи раз звучавшее в полицейских сериалах, оказалось для него неподъемным.

– Зачем? – парировал Доктор, не терявший благодушного настроения. – Причина смерти, к сожалению, очевидна. От чего, по-вашему, они могли умереть? От теплового удара?

Спадон загоготал, Америка тоже. Даже Старуха высокомерно улыбнулась бесцветными губами, обнажив серые зубы. Мэр также засмеялся, но его смех напоминал змеиное шипение. Учитель, ерзавший на стуле, вновь подал голос, который абсолютно не вязался с его мощной и высокой фигурой, – голос смущенного мальчишки:

– Вы не хуже моего знаете, что для установления факта смерти от утопления внешнего осмотра недостаточно. Необходим сравнительный анализ процентного содержания стронция и железа в крови с процентным содержанием этих металлов в воде. Прошу прощения за чисто технические детали, меньше всего мне хотелось бы изображать всезнайку, однако истина, как говорится, дороже.

– Что ж, это делает вам честь, – продолжил Доктор, который теперь чувственно поглаживал сигару, достав ее из внутреннего кармана пиджака, – и вы абсолютно правы. Но задумаемся на минутку: нам всем хорошо известно, откуда эти несчастные и что они собирались делать. Даже если мы повернемся к ней спиной, Африка никуда не денется: она здесь, совсем рядом, в нескольких десятках миль. Как мы можем игнорировать то, что известно всем, о чем трубят все СМИ, рассказывая о чудовищных усилиях, предпринимаемых тысячами подобных бедолаг, чтобы перебраться в Европу? Судно, на котором они пытались это сделать, пошло ко дну, как множество других до него, и столько же утонет после. Они умерли, потому что утонули. Море часто позволяет людям ползать по своему хребту, но порой оно начинает бунтовать и сжирает кого-нибудь из них. Такова истина, горькая истина, доложу я вам.

Доктора бросило в жар, и он, достав из кармана носовой платок, вытер со лба выступившие бисеринки пота. Учитель молчал, словно прозвучавшая речь подействовала на него как наркотик. Мэр спокойно наблюдал за его погружением в вязкое безмолвие. Старуха по-прежнему не сводила с Учителя пристального взгляда. Спадон уставился в потолок, пока Америка с серьезным видом изучал свои ногти, словно чернота под ними вдруг обрела для него важный смысл и вызвала приступ меланхолии.

И тут вдруг все услышали странный звук, будто кто-то скребся в дверь. Нет, это было не робкое постукивание, а раздражающий и неприятный звук, словно сухая ветка задевала о форточку под порывом ветра или ворона с помощью клюва и лапок безуспешно пыталась проникнуть в дом. И прежде чем присутствующие смогли определить причину шума, дверь медленно приоткрылась, как бы от сквозняка, и в проеме возник Кюре в толстенных очках, с его шеей тощего петуха, стиснутой подворотничком сутаны, который, вероятно, когда-то и был белым, но время и грязь сделали его серым, как веревку висельника. Вокруг священника, как всегда, кружились несколько пчел.

Мэр жестом не позволил ему войти.

– Простите, святой отец, сейчас мы проводим важное заседание, и я не могу...

– Не утруждайтесь, – прервал его Кюре. – Мне известно, почему вы здесь. Это касается трех мертвых тел, найденных утром на пляже. Мне все рассказали.

– Что за мерзавец это сделал?! – взревел Мэр. Вскочив со стула, он ударил ладонями по столу. Взгляд его перебегал с одного лица на другое, словно он собирался вцепиться в глотку виновному.

– Мне сообщили об этом на исповеди, – вновь заговорил Кюре. – Человек этот находится среди вас. Он может ни о чем не волноваться, я никогда его не выдам. Правда, я предупредил его, что непременно буду здесь вечером. Так что для него мое присутствие не стало сюрпризом. Единственное, чего я хочу, это чтобы вы знали: мне все известно, а значит, мое место среди вас.

Кюре производил впечатление человека, который везде чувствует себя как дома, даже если он ни разу в этом доме не был. Он снял с носа очки с толстыми мутными стеклами, придававшими ему вид барабульки, смотрящей через стенку обвитого водорослями аквариума, и принялся протирать их полой сутаны, от которой пахло камфарой и холостяцкой запущенностью.

– Продолжайте, прошу вас. На чем вы остановились? – произнес священник после того, как снова надвинул очки и согнал пчелу, не желавшую покидать его ухо.

Мэр стиснул челюсти. Он ожесточенно тер между ладонями механический карандаш. Казалось, что кожа на его костлявом лице натянулась еще сильнее. Скорее всего, он пытался успокоиться, говоря себе, что Кюре – даже и не мужчина вовсе, что от привычки к долгим беседам с пустотой в полном одиночестве своего нищенского существования он давно утратил чувство реальности и ощущение своего присутствия в мире людей. Безусловно, он оказался здесь из-за грядущей судьбы душ утопленников; что ж, если так, то он – мэр и атеист до мозга костей – сделает все от него зависящее, чтобы Кюре выполнил свою миссию. Лично он плевать хотел на спасение души, чистилище и прочую дребедень. Когда-то давно он заочно получил бухгалтерское образование и вынес из него главное: жизнь человеческая складывается из счастливых и горьких мгновений, которые, в конечном счете, что бы ты ни делал, всегда дают нулевой итог.

Между тем слова Кюре произвели эффект. Все сидящие за столом бросали друг на друга подозрительные взгляды. Каждый пытался угадать, кто из них сразу же ринулся в церковь, иными словами, для кого вопрос покаяния и отпущения грехов не был пустым звуком, что и толкнуло его к исповедальне, где в пыльной кабинке он мог облегчить душу.

Без сомнений, тот, кто обо всем рассказал священнику, отлично скрывал свою игру, потому что каждый из собравшихся, казалось, пришел в ужас, когда Кюре сообщил, что ему все известно. Но, по правде говоря, странным был сам этот ужас, во многом деланный: никто из них ни в чем себя не обвинял, ни в каком преступлении. Никто из них не утопил этих троих. Никто не столкнул их в воду. Никто их не знал и не встречался с ними прежде.

Собрание пришлось продолжить. Появление Кюре, похоже, успокоило Учителя. Вероятно, он подумал, что священник примет его сторону и тоже станет требовать, чтобы как можно скорее предупредили власти. Потому на этот раз он слушал Мэра, не перебивая.

– Как справедливо заметил Доктор, все мы знаем, откуда эти люди. Они бежали от нищеты. Бежали от хаоса. От войны. Они рисковали жизнью, пустившись в плавание на плотках, каноэ, утлых суденышках, которые в любой момент могли пойти ко дну. Доктор сказал, что, мол, не они первые, кто умер такой смертью, и, увы, не они последние. Но вот что абсолютно ново и необъяснимо: как течение могло принести их к нашим берегам?

Мэр сделал паузу, метнув взгляд в сторону Учителя, уверенный, что тот кинется в эту лакуну, как в пропасть. Однако тот не издал ни звука, ожидая продолжения.

– Они не собирались приплывать на наш остров, – вновь заговорил Мэр. – Вряд ли они даже знали о его существовании. Но он стал их кладбищем. А теперь представьте, что случится, если я поставлю в известность полицию и судебные власти. Сюда заявятся не только эти почтенные господа, которые всегда взирали на нас свысока, как на собачье дерьмо, но с ними притащатся и журналисты со своими микрофонами и камерами. Наш остров того и гляди превратится в остров утопленников – известно, что эти борзописцы сильны в хлестких формулировках.

Если в прессе развернется разнузданная кампания и остров выставят в неприглядном виде, как тогда мы сможем договориться с консорциумом о проекте талассоцентра? Захотят ли эти господа вкладывать свои миллионы и заниматься строительством комплекса? И в мгновение ока наша земля, известная горячими источниками, изумительными пейзажами, вином, маслом и каперсами, превратится в землю, на которую как снег на голову свалились трупы,

приплывшие из Африки. Наши чистейшие воды станут водами, в которых мокли и гнили мертвецы. Кто, скажите, захочет в них купаться, поправлять здоровье или есть выловленную там рыбу?

Сделав очередную паузу, Мэр постарался, чтобы последние слова внедрились в сознание каждого, нарисовав безотрадную картину грядущего.

– Будучи мэром, – заговорил он, – я обязан думать не только о настоящем, но и о будущем острова, будущем наших детей, большинству которых предстоит уехать, поскольку здесь невозможно найти работу. Проект по строительству центра позволит создать новые рабочие места. И это наш единственный шанс. Последняя надежда обеспечить острову жизнеспособность, сделать так, чтобы люди оставались, женились, рожали детей, а те, в свою очередь, тоже оставили здесь потомство. Увы, ничто уже не вернет жизнь этим трем несчастным. Придание огласке случившегося приведет к непоправимым последствиям для острова, но утопленники все равно не воскреснут. Не усматривайте никакого вызова в моих словах, господин Кюре. Конечно же, я не вправе диктовать, как вам следует себя вести, однако, обращаюсь ко всем в равной степени, к вашему здравому смыслу, чувству ответственности и рассчитываю на вашу поддержку.

Воцарилась тишина, тяжелая, вязкая, неловкая. Кое-кто ожидал, что Учитель, продолжавший ерзать, сейчас заговорит, опровергая все то, к чему призывал Мэр, но этого не произошло, он лишь нервно теребил свою белокурую шевелюру, курчавую, как шерсть ягненка. Кюре тоже безмолвствовал, раскачиваясь на стуле и скрестив руки на объемистом овальном животе, напоминавшем яйцо дрозда.

– Куда ты их дел?

Голос Старухи прозвучал резко, словно о плиточный пол разбился стакан.

– Сказал же – в надежное место.

– Меня не интересует, надежно ли место. Я спросила – куда?

– Что толку, если вы будете знать?

– Ты хочешь нашего молчания? А я хочу знать правду. Только и всего.

Мэр попробовал было выдержать взгляд Старухи, но потерялся в молочной пелене ее глаз и отвернулся, ненавидя себя за слабость. Отвернувшись, он убедился, что остальные, затаив дыхание, смотрели на него в ожидании ответа.

– В моей холодильной камере, – наконец произнес он тихим голосом.

– У вас в камере? Где хранится рыба? – проговорил Учитель, казавшийся испуганным и возмущенным одновременно.

– А куда я должен был их положить? К себе в постель? – И Мэр, выйдя из себя, с треском сломал механический карандаш, который все еще держал в руках.

V

В тот вечер около десяти часов мэрию в полной тишине покинула необычная процессия. Вытянувшись цепочкой – Мэр возглавлял шествие, а Кюре его замыкал, – люди, вливаясь в ночной мрак, проследовали по лабиринту улочек к порту, где находились рыбный рынок, судоремонтные мастерские, сухие доки и холодильный склад.

Выкрашенный в красный и желтый цвета склад располагался в стороне от других зданий и имел два входа: один был обращен к морю, что позволяло переправлять улов с трех лодок мэра в большое помещение, отделанное кафелем, где рыбу сортировали и подвергали первичной обработке; другой выходил на пристань, откуда можно было попасть в контору предприятия и ангар, где рыбаки хранили свое оборудование, переодевались и чинили сети, а также в холодильную камеру, о которой и шла речь.

Снять тяжелую цепь, на которую были закрыты ворота, Мэр поручил Спадону. Намотанная в пять-шесть оборотов на стойки, она так лязгала и скрежетала, когда он ее раскручивал, что у всех создалось впечатление, будто он освобождает каторжника от кандалов. Наконец Спадон толкнул ворота, пропустив вперед Мэра, и небольшая группа проникла во внутренний двор.

Мэр достал из кармана связку ключей, сразу выбрав нужный, вставил его в замок высокой двери, усиленной многослойными панелями, и ударил плечом в набухшую от сырости створку, чтобы дверь открылась. Повернув выключатель, он обернулся к своим спутникам и нетерпеливым жестом дал понять, чтобы они прошли поскорее, потом, когда замыкающий в лице Кюре оказался внутри, тем же движением плеча вернул дверь на место.

Три потолочных светильника залили ярким светом тросы, сети, деревянные и пластиковые ящики, буи, банки с краской и смолой, клеенчатые плащи, резиновые сапоги и пробковые поплавки – иными словами, весь тот нехитрый рыбацкий скарб, что годами копится в таких кладовых.

В помещении держался стойкий запах морской соли, сушеных водорослей, мазута, собачьей шерсти, табака и рыбы.

В углу, вокруг ящика, на котором громоздились грязные разрозненные чашки, стояли четыре стула, казалось, поджидавшие если не игроков в карты, то хотя бы собеседников. К стене в противоположном углу были приклеены пожелтевшие от времени календари с обнаженными пышногрудыми красотками, рекламирующими лодочные моторы.

В глубине просторной комнаты можно было разглядеть алюминиевую дверь, высокую и выпуклую, совсем новую и блестящую, отчего на ум сразу приходила система аварийного спасения на космическом корабле, какой ее показывают в научно-фантастических фильмах. Дверь вела в холодильную камеру. Мэр подошел к ней.

– Давайте! Мы же не будем торчать тут всю ночь.

А люди чувствовали себя посетителями музея и глазели по сторонам, открывая для себя неведомый мир. Доктор ходил туда-сюда, заложив руки за спину, подобно прогуливающемуся философу. Кюре осторожно подправлял косо висевшее распятие, умудрившееся застрять между двумя порнографическими открытками, которые он словно бы и не замечал. Америка, ослепленный чудесным плетением нейлоновой сети, тоже новенькой, с иголки, с нежностью ее поглаживал, пока не переключил свое внимание на бидоны с жидким битумом, из части которых вязкое содержимое вытекло длинными тонкими струйками, нарисовав на полу «ведьмины волосы». Спадон рылся в карманах прорезиненного плаща, должно быть, его собственного, где искал неизвестно что. Старуха, встав посреди склада, поворачивалась вокруг своей оси, медленно-медленно, прочесывая взглядом каждую находившуюся в нем вещь, словно судебный пристав, оценивающий имущество, прежде чем пустить его на распродажу. Учитель внимательно изучал морскую карту, помещенную под стекло, на которой можно было в подробностях рассмотреть сам остров и другие части Собачьего архипелага. Тонкими стрелками отмечались главные течения, мелководья обозначались серым цветом, а рифы – фиолетовым.

Голос Мэра вывел людей из задумчивости, и все направились к нему. Он вставил в дверь затейливый ключ, который накануне всем демонстрировал. Когда замок был разблокирован, дверь поддалась не сразу, и ему пришлось толкнуть ее дважды, после чего она открылась с чавкающим звуком, вроде того, что раздается при чистке кухонной раковины вантузом.

В лицо резко пахнуло холодом, и людей окутал морозный туман, так что создалось впечатление, будто они внезапно очутились на другом конце Земли, далеко от их привычного, спокойного и теплого существования, далеко от самой жизни.

Все одновременно вздрогнули, во-первых, из-за низкой температуры, которая в первой части камеры поддерживалась на уровне минус двух градусов, а во-вторых, потому, что перфо-

рированные ящики для хранения вчерашнего улова открыли глазам скопление мертвых тел – серебристых, заиндевевших, переливчатых, со ртами, разверзнутыми в пустоту, и застывшими глазами в серо-зеленых отблесках.

В большинстве ящиков хранились полосатые зубатки, пелагиды, мелочь, обитающая на рифах близ побережья, кефали, радужники, каракатицы, рыбы-сабли – в общем, все то разнообразное морское сообщество, извлеченное на божий свет сетями, а затем доставленное сюда рыбаками и разложенное на ледяном смертном одре.

Подвешенные к потолочным крюкам за веревки, обмотанные вокруг хвостовых плавников, два больших меченоса и тунец, казалось, замерли в ожидании пытки. «Мечи» двух первых рыбин валялись на полу грозным, но бесполезным оружием, а большие глаза молили об освобождении. Тунец же, огромный, закованный в блестящую броню, напоминал разжиревшего ландскнехта, который пал в бою, не получив сколько-нибудь заметной раны. Смирившийся, он сверлил глазами пол, будто надеялся отыскать там разгадку своего поражения.

Пройдя мимо этих громадных висельников, люди проследовали за Мэром во второе, морозильное, отделение холодильной камеры, находившееся за очередной алюминиевой дверью. И снова, стоило двери открыться, как они ощутили на себе полярное дыхание, еще сильнее прежнего, заморозившее их окончательно. Улыбка Доктора теперь напоминала оскал, а его усы, как и курчавые брови Учителя, покрылись инеем, казавшимся искусной подделкой. Всех сотрясала дрожь, за исключением Старухи, на которой, кстати, был лишь тонкий шерстяной жакет.

В морозильной камере царила крошечная тьма. Вырвавшиеся оттуда клубы ледяного пара лишь на краткое время залили помещение трепещущим серым светом поздних сумерек, не позволяя верно оценить его размеры. Мэр на несколько секунд оставил людей в таком состоянии, что, по его расчетам, должно было произвести драматический эффект. Затем он опустил рычаг, и после сухого щелчка пространство озарилось нестерпимо ярким светом, заставившим членов группы на миг зажмуриться, будто чья-то безжалостная рука толкнула их под слепящие огни прожекторов телевизионной студии.

Площадь комнаты равнялась примерно восьми квадратным метрам. Три стены в ней были оборудованы стеллажами для хранения рыбы, из которых тот, что был привинчен к задней стене, оставался свободным. И только корка льда, толстая, неровная, шишковатая, похожая на плавающую льдину в миниатюре, лежала на цоколе и выступала за его пределы; она частично оплыла и образовала в двух местах большие сосульки, напоминавшие тигриные клыки.

Куски тунца покоились на правом стеллаже серебристыми дисками. Голова рыбыны, целая и надменная, сохранила при себе сантиметров двадцать нетронутой пилой туши – плотной, красной на срезе, усеянной бледными кристаллами.

На противоположном стеллаже сразу лежал знакомый голубой тент Америки. На морозе малейшие трещинки и неровности на нем стали еще заметнее из-за пробивавшихся оттуда испарений.

Тела, заключенные в этот полиэтиленовый саван, занимали полку целиком. Прибитый холодом к нижней части тел утопленников материал обрисовывал формы, напоминавшие древнеегипетские саркофаги, но в верхней части он деформировался под воздействием низкой температуры, открыв лицо одного из трупов, которое теперь было обращено к вошедшим. Веки мертвеца приоткрылись, очевидно, тоже под воздействием холода, а глаза, лишённые зрачков и радужной оболочки, превратились в два стеклянных шара матовой белизны.

Кюре, снявший свои моментально запотевшие окуляры, захотел избавить людей от этого пустого, нечеловеческого взгляда и, прежде чем Мэр успел его остановить, попытался закрыть веки утопленника, не понимая, насколько это бесполезно: плоть несчастного давно обрела твердость мрамора.

Не подумал Кюре и о том, что его пальцы в тысячную долю секунды прилипнут к этим белым очам, потому что холод выступит в роли наипрочнейшего клея, и правая его рука окажется намертво спаяна с бледными шарами.

Из уст Кюре вырвался тонкий жалобный стон ужаса и удивления. Он попробовал оторвать руку, но большой и средний пальцы словно срослись с глазами мертвеца. Запаниковав, он не услышал того, что говорил ему Мэр, а тот приказал, рыча, ничего не предпринимать и, главное, не двигаться, и попросил Спадона поскорее сбегать за горячей водой. Но было уже поздно: резким движением, испустив крик боли, Кюре оторвал-таки свои пальцы от трупа.

И тут все стали свидетелями, казалось, фантастического и невероятного события: из глаз мертвого черно-серого лица, уже заросшего белыми от инея волосками, вдруг полились кровавые слезы, которые холод мгновенно превращал в крохотные красные жемчужины.

VI

Покойников на острове хоронили в стоячем положении: экономили самое ценное благо – землю. Издревле люди осознавали, что земля должна принадлежать живым, чтобы их кормить, а мертвым следовало оставлять как можно меньше места. Мертвым земля уже ничего дать не могла.

Вот почему городское кладбище походило на частоклад надгробий из черных камней разной формы – самое большее в метр высотой, – тесно прижатых друг к другу, словно окаменевшие солдаты уничтоженной армии, на которых были начертаны имена и даты рождения и смерти.

На острове люди жили общиной, но в последний путь отправлялись поодиночке: не было на кладбище ни братских захоронений, ни семейных склепов, лишь одинокие могилы, где усопший оставался стоять так же прямо, как и жил.

Эти трое чернокожих парней не умерли на острове. Море выбросило их на берег, как плавучие бревна. Никто утопленников не знал, их жизни раньше никогда не соприкасались с жизнями обитателей острова. Только смерть свела их с островитянами, но разве этого достаточно, чтобы нарушить привычный ход существования Собачьего архипелага?

– Если отбросить некоторые условности, – продолжил свою речь Мэр, после того как все вышли из холодильного склада, а Спадон принялся бинтовать окровавленные пальцы Кюре, который попискивал, как птенец, – то можно сказать, что эти трое никогда не существовали, что течение никогда не прибивало их останки к нашим берегам. Представим – а так оно и должно было произойти, – что море поглотило их и растворило в своих глубинах, как в ванной с кислотой, и что никому так и не суждено было узнать, что с ними случилось. Будь при них документы, удостоверения личности, дело приняло бы другой оборот, тогда принятие решения стало бы очень затруднительным. Документы связали бы их с миром, с конкретной страной, человеческим сообществом, с историей, семьей. Но здесь этого нет. Ничего, что позволило бы узнать их имена, возраст, страну, из которой они сбежали, чьими сыновьями, братьями, мужьями или отцами они были.

– Черт бы тебя побрал, мне же больно! – взревел Кюре, так что Мэр поневоле прервал монолог, а три пчелы, до сих пор приходившие в себя на плечах своего пастыря после холодильной камеры, взмыли вверх.

– Простите, святой отец, делаю, что могу, но ведь я не фельдшер.

– Ну да, ясное дело, не ты же страдаешь!

Доктор, улыбаясь, отказался заняться пальцами священника, сказав, что его собственные настолько неловки, что не смогут правильно наложить повязку. Он ограничился требованием, чтобы Спадон продезинфицировал ранки, и рыбак полил на них из бутылки с виноградной водкой, отчего Кюре и взвыл от боли.

– Думаю, вы прекрасно поняли мою мысль, – заключил Мэр, – при том что вы отлично знаете – я не мерзавец какой-нибудь или бессердечный человек. Но не я выдумал нищету и зло на земле, и в мои обязанности не входит за всеми подчищать дерьмо. Хоронить этих людей на нашем кладбище не имеет смысла. Уже хотя бы потому, что они не принадлежат к нашей коммуне. Но есть и еще соображение: мы даже не знаем, какой они веры.

Вполне вероятно, что они другого вероисповедания, и мы нанесли бы им оскорбление, похоронив в месте, не имеющем ничего общего с их религией. Кстати, я вам уже говорил, что эта история должна остаться строго между нами, и пусть каждый унесет ее с собой в могилу, ни с кем не поделившись. Это, разумеется, предполагает, что тела несчастных бесследно исчезнут, и не останется никаких свидетельств об их пребывании на острове.

На секунду Мэр замолчал и обвел взглядом лица присутствующих. Почти все низко склонили головы, кроме Старухи и Учителя, который взирал на него с выражением ужаса и задыхался, будто слова Мэра вызвали у него приступ астмы.

– Самое простое, что первым пришло на ум, – доверить их морю. Но кто может поручиться, что через несколько дней оно не вернет их, снова прибив к нашим берегам? И тогда я пришел к выводу, что стоит похоронить их на нашем острове, ведь он – последнее пристанище, которое они обрели, сами того не ведая, место, которое им определила смерть, навсегда избавив от страданий, бывших, по сути, формой их земного существования.

Спадон закончил перевязывать пальцы Кюре, однако тот, почти не прислушиваясь к Мэру, продолжал гримасничать, поднося руки к очкам с толстенькими стеклами, словно раны могли быстрее зарубцеваться от того, что он их разглядывал.

– Не мне вам рассказывать, что на острове есть своего рода врата в бездну. Наши предки называли эти отверстия «глотками богов». Вот я и подумал, что мы не совершим ни святотатства, ни кощунства, если сбросим в одно из них тела этих троих мужчин. В каком-то смысле они лишь продолжают свое путешествие, достигнув сердца Земли и обретя вечный покой.

Довольно долго все переваривали сказанное Мэром, прокручивая это у себя в голове. И, как все и предполагали, первым нарушил молчание Учитель:

– Немыслимо! Это же просто невыносимо! Я словно вижу дурной сон. Ну и мастер же вы пудрить людям мозги, господин Мэр! Вы собираетесь отделаться от тел троих несчастных, словно хотите спрятать пыль, заметая ее под ковер! Надо ли мне напоминать, что многие здешние свиньи в человеческом обличье продолжают сбрасывать мусор в вулканические отверстия, о которых вы говорите? Значит, вы считаете человеческие останки чем-то вроде мусора? Было бы очень интересно послушать мнение Кюре на этот счет!

Услышав, что говорят о нем, священник поднял голову и отвел взгляд от перебинтованных пальцев, которые он продолжал созерцать с потерянным видом. Он понял, что все на него смотрят в ожидании ответа. Он, разумеется, слышал доводы Мэра и их краткую перепалку с Учителем, но слышал как тихую музыку, едва доносившуюся из отдаленной комнаты. Тяжко вздохнув, будто перед мучительным откровением, Кюре произнес:

– Да чего вы от меня ждете? Думаете, раз я священник, то знаю ответы на все вопросы? У меня так же, как и у всех вас, есть свои заботы, и я ничуть не умнее остальных. Если бы вы спросили меня о пчелах, я бы сумел вам ответить, – сказал он, поддразнивая здоровыми пальцами двух из них, пробиравшихся по рукаву. – Я много чего о них знаю, а чудо меда не перестает меня восхищать. Если Бог существует, то он – в меде! Вот к какому выводу я пришел за шестьдесят девять лет своего земного бытия и за полвека пастырского служения. Мысль, что трудами тысяч насекомых, каждое из которых легко раздавить двумя пальцами, цветочная пыльца преобразуется в прозрачный нектар, где заключены вся сладость жизни и все ароматы земли – как растений, так и стихий, – вот что укрепляет меня в вере. И Бог, несомненно, есть, даже если в наши дни немало таких, кто уверяет нас в обратном или пытается насадить нам собственных богов путем насилия, выжженной земли, убийств, бомб и крови. Рассказать о

пчелах – да! Но в остальном... В частности, если уж говорить об этих несчастных неграх, что вы хотите от меня услышать?

– Почему вы называете их неграми? – возмущенно отозвался Учитель.

Кюре вытянул шею и поискал взглядом через свои толстые стекла того, кто это сказал. Найдя его наконец, он пожал плечами.

– А как вы хотите, чтобы я их называл?

– Чернокожими, африканцами, просто людьми, наконец!

– И что, этого хватит, чтобы их оживить?

– По крайней мере, так будет приличнее. Слово «негр» – оскорбление, и вы это отлично знаете.

– Только не из моих уст, господин Учитель, только не из моих уст. Я гораздо старше вас. По существу, я принадлежу другому времени. Это слово из моего детства. Из той поры, когда со школьной скамьи мы слышали о краснокожих, желтых, белых и... неграх. Таковы были полученные мной знания о мире. И это ничуть не мешало уважению к ним. Каждый человек, независимо от цвета кожи, – Божие творение. В слове самом по себе не содержится ни ненависти, ни презрения. Все зависит от того, как им пользоваться. Но если вы хотите, чтобы я говорил «чернокожие», будь по-вашему. Если это успокоит вас и доставит удовольствие, пожалуйста. От этого они не станут менее мертвыми.

Учитель сделал раздраженный жест – одна из пчел уселась на его большой палец, изогнулась и выдвинула жало, готовясь укусить. Он прогнал ее другой рукой, она полетела прочь и села на воротник сутаны Кюре. Учитель несколько вяло, тоном капризного ребенка, с которым вступили в спор, произнес:

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Отвечу, будьте спокойны. Все сказанное господином Мэром не лишено смысла, а ведь, Бог свидетель, я далеко не всегда соглашаюсь с его мнением, в частности, как это всем известно, по вопросу дорогостоящего проекта термального комплекса, который вызовет у островитян стремление к роскоши, подстегнет коррупцию, приведет к утверждению ложных ценностей и бесчинствам, еще похлеще тех, что уже имеются. Но еще большим злом будет привлечение к нашему острову нездорового интереса, когда мы станем объектом всеобщего внимания, губительного для всех нас, господин Учитель.

Моя позиция такова, что именно мы были избраны Богом, чтобы хранить память об этих обездоленных, память об их смерти и даже жизни, хотя мы застали только ее конец. Избраны Богом, чтобы знать все это и хранить в себе как тайну, которая станет нашим крестом. И мы обязаны нести его ради них, но также и ради других членов нашего сообщества.

Мы обязаны взвалить на себя тяжесть и страдание, которыми отныне будет отмечена наша жизнь, но благодаря которым наши собратья будут спасены от возможного несчастья. Таким образом, я считаю предложение Мэра вполне разумным. Лично я не вижу большой разницы, похороним ли мы человека на кладбище или в жерле вулкана. В этом нет никакого глумления.

Учитель не мог устоять на месте, поворачиваясь то к одному, то к другому и надеясь хоть в ком-нибудь найти поддержку, но тщетно – он остался в одиночестве.

– Если сочтете необходимым, чтобы я проводил их в последний путь по нашему религиозному обряду, я это сделаю, – продолжил Кюре, – хотя и неизвестно, какова была их вера и была ли она вообще. Я сделаю это, как сделал бы по отношению к любому человеку, ибо таков мой пастырский долг. Но скажите, дабы развеять ваши подозрения или ужас, что происходит, когда рыбак гибнет в море? Он ведь не попадает на кладбище, однако это не мешает нам молиться за упокой его души. А безбрежный водный простор, где он остается на веки вечные, – море, в котором мы все купаемся, которое нас кормит и мучает, – разве в нем меньше всякой мерзости и грязи, чем в жерле Бро, так вас пугающем?

Кюре замолчал, но последние его слова сопровождались протяжным стоном: как всегда в конце проповеди, священник резко соединил руки, совершенно забыв о своих плохо перевязанных свежих ранах на пальцах.

VII

Всю следующую ночь Учитель не сомкнул глаз, и немудрено: когда на рыбном складе Мэр поставил свое предложение на голосование, оно было принято единогласно, за исключением голоса самого Учителя.

После чего Мэр распорядился, что он сам, Спадон, Кюре и Доктор займутся тем, что он назвал похоронами, хотя чувствовалось, что это слово даже он произносил с напряжением. К числу избранных Мэр добавил и Учителя, поскольку понял еще до того, как тот вмешался, что он непременно захочет при этом присутствовать. Старуха, которая до этого не раскрыла рта, безмолвия не нарушила, что до Америки, так он был только рад, что о нем забыли. Вся эта история и без того отняла у него слишком много времени, а у него имелись дела и поважнее, чем погребение дикарей.

После последних инструкций Мэра все разбрелись во тьме кто куда.

Иными словами, в ту ночь никто из них так толком и не уснул. Возможно, одной из причин стало назойливое дыхание ветра, стремившегося пробраться во все щели домов – под порог, сквозь неплотно прилегающие створки окон, раздражая и без того расшатанные нервы, которым хватило и этой малости, чтобы скрутиться в клубок, как гадюкам. Но, конечно, не один ветер мучил их души: образ троих утопленников так и стоял у них перед глазами, и избавиться от него было невозможно.

Доктор внезапно проснулся, в два часа тринадцать минут, судя по светящимся цифрам радиобудильника, после того как почувствовал на спине прикосновение того, что показалось ему большой холодной рукой, и увидел прямо перед собой огромное лицо, чьи синие, почти черные, губы пытались запечатлеть на его лбу поцелуй.

Он включил телевизор. Последнее время он делал это нечасто. Выступал какой-то политик. Лет шестидесяти, с бронзовым загаром и ослепительной улыбкой. Доктор убрал звук. Политик походил на всех своих собратьев-краснобаев: ухоженная кожа под толстым слоем макияжа, крашенные или пересаженные волосы, гладкие шеи откормленных индюшек, торчащие из воротников неременных светло-голубых рубашек.

На мгновение Доктор растворился в этом лице, которое, по сути, ничьим лицом и не было, но позволяло ему забыть лица *негров*, как их назвал Кюре без тени лукавства или недоброжелательности. Он удивился тому, что политики могут вот так выступать прямо посреди ночи, – для кого и, в конце концов, для чего? У него не возникло желания включить звук, чтобы узнать больше, поскольку было ясно, что ни этот, ни другой ничего существенного не скажут – им попросту нечего сказать. Не скажут ничего, отличающегося глубиной, важного и необходимого людям, например, о перспективах развития современного мира, не скажут того, о чем пока еще можно прочесть в книгах. Профессия политиканов – говорить, болтать без устали, без остановки, не слушая собеседника, жить в вечной говорильне, даже самой пустой и ставшей шумовым фоном, бессмысленным и гипнотизирующим, современным пением сирен.

Доктор подогрел остатки кофе в кастрюльке, стоящей на плите, и выпил их, очень крепкие и без сахара, прислушиваясь к завыванию ветра. Потом зажег сигару и взял старинное издание Дантова «Ада», которое всегда находилось у него под рукой и сопровождало его много лет. Открыв наугад книгу, он тихим голосом прочел несколько десятков строк, с наслаждением чеканя слова, почти тысячелетие назад обретшие свой незыблемый, не изменившийся с тех пор ни на йоту порядок, в то время как с лица земли канули в небытие тысячи рукотворных вещей, памятников, империй, дворцов, государств, монархий и вероучений.

Он курил и читал стихи, теперь уже во весь голос, читал для себя одного и еще для ночи, которая обволакивала его теплой шалью. Пил он не только кофе, но и виноградную водку. Маленькими рюмочками и с большим удовольствием. По кухне плыли, смешиваясь, магические слова и дым, и душа его парила вместе с ними. На краткий и упоительный миг эта троица чудесным образом увлекла Доктора в свою волшебную бесплотность, заставив его забыть и о его тучном теле, и о возрасте, и о месте, где он находился, и даже о том, кто он такой.

Почему-то ему вдруг вспомнилось, как в детстве он носился по улочкам острова – ведь тогда он еще умел бегать, – не чувствуя порой своего тела. Тогда у него возникало ощущение, что он – сам по себе и свободен от плоти, движимый исключительно азартом игры. Дух его становился дерзким, вольным бесенком, энергию которого питали лишь восторг и возбуждение. Но никогда Доктор не сожалел о минувших временах: он не любил вспоминать прошлое, потому что не узнавал себя в нем.

Но, увы, все приятное рано или поздно переходит в свою противоположность: кофе на дне холодной чашки стал тошнотворно приторным, смоченный слюной конец почти выкуренной сигары отдавал навозом и мочой, а от виноградной водки из желудка поднималась неприятная кислота. И только Данте, по-прежнему и все еще, оставался на высоте, переворачивая душу словами из своего далекого века. Нечеловеческие, стихи говорили о человеческом. Подобно духу Доктора-ребенка, они парили, неизменные и независимые, над телами, бегущими сломя голову, очертя круг собственной жизни, по плохо вымощенным улицам земного существования.

И он снова лег, с чувством грусти, но вместе с тем и облегчения, сам не зная почему.

VIII

Двумя днями позже у троих утопленников наконец появился шанс согреться, достигнув горячего сердца Земли. Мэр, Доктор, Кюре, Учитель и Спадон перенесли обледеневшие трупы, по-прежнему завернутые в голубой тент, из морозильной камеры в самоходную тележку на гусеничном ходу, принадлежавшую Мэру, которую тот использовал для работ на отдаленных и высоко расположенных виноградниках.

Произошло это ночью, за пару часов до рассвета. Медленным шагом, следуя за тележкой – единственным на острове транспортным средством, обходившимся без живой тяги, поскольку ни автомобильных дорог, ни самих машин здесь не было, шествие направлялось к *Носу Владыки* – большой красной скале, возвышавшейся над осыпью камней, словно разбросанных здесь вместо семян гигантской рукой оставшегося не у дел титана.

Процессия уже миновала последние виноградники, находившиеся сотней метров ниже, с корявыми и чахлыми лозами, которые словно жаловались людям, как трудно было их корням проникать вглубь земли, чтобы добыть хоть немного влаги для выживания. Но в то же время именно они дарили лучший на острове виноград, хоть и в небольшом количестве. Плантация принадлежала Буйё⁸, двоюродному брату Мэра. Он довольно вяло, с ленцой и перебоями, занимался содержанием и ремонтом грунтовых дорог на острове. Буйё был тучен, рыж, женат на двух ангорских кошках, да к тому же одноглаз – второй он потерял во время драки в порту в дни бурной молодости.

Наконец обессиленная самоходка, которой управлял Спадон, дотащилась до конца пыльной дороги. Мэр разместился на сиденье рядом со своим напарником, а Кюре пристроился в кузове, напротив трупов, у которых отходили воды, как у рожениц. Доктор с его вечной улыбкой и крашеными усами, изнемогая от усилий, шел пешком. Учитель же преодолевал подъем

⁸ Говорящая фамилия, означающая «грязный», от фр. *boueux*.

без малейших признаков усталости: он был молод, в отличной физической форме и словно черпал силы в своем наивном прекраснодушии.

На небе уже занималась бледная заря, когда они оставили тележку в конце подъездного пути, который дальше расходился веером тоненьких троп, поднимавшихся по склону вулкана. Далеко внизу, прямо под ними, расстилалась бесстрастная гладь моря.

Колокола невидимой, как и городок, из-за выступа скалы церкви прозвонили семь утра. На востоке большой кроваво-красный диск солнца медлил, будто не решаясь выйти из морских вод. Тела переложили на носилки и, сменяя друг друга каждые полсотни метров, стали поднимать на гору в напряженном, тяжелом молчании. И только Учителю – несомненно, сказалось благотворное действие его утренних пробежек – удалось сохранить неисчерпаемый запас энергии. Остальные были либо слишком стары, либо слишком слабы физически, либо слишком много курили, либо не имели достаточной мотивации, чтобы выкладываться.

Несмотря на утреннюю прохладу, все подошли к первому из трех кратеров, обливаясь потом. Улыбка Доктора вновь обернулась гримасой, а краска с усов начала стекать на губы. Остальные отряхивали пыль с одежды, пытались отдышаться и бросая время от времени боязливые взгляды на отверстие. Голубой тент продолжал истекать водой, собравшейся в складках полиэтилена, и на землю пролились слезы, мгновенно и жадно ею выпитые. Люди старались не смотреть на трупы, превратившиеся в сплошную массу из трех слитых воедино тел, в которой уже было меньше человеческого и больше чудовищного, но в самой этой чудовищности, как ни парадоксально, заключалось нечто умиротворяющее, словно речь шла об огромной скульптуре.

Мэр и Учитель отправились обследовать два других кратера, отстоявших от первого на сотню метров. Остальные без церемоний уселись на землю. Никто не разговаривал. Некоторые закурили. Кюре достал из карманов сутаны молитвенник и сто⁹лу⁹. Оттуда же вырвались несколько пчел и принялись кружить у головы хозяина, выписывая жужжащий ореол своей признательности.

Разведчики вернулись: Мэр объявил, что отверстие, расположенное выше остальных, очевидно, и есть главный кратер, самый глубокий: ни он сам, ни Учитель не слышали стука камней, которые они туда бросили. В маленькой группе послышался ропот, ведь каждый надеялся, что выше поднимать груз уже не придется, но нужно было на что-то решаться, и процессия снова двинулась в путь, только на этот раз ее возглавлял клирик со своими пчелами, будто с этого момента операция приобрела характер священнодействия.

Когда группа добралась до кратера, не превышавшего в диаметре двух метров, каждый захотел в него заглянуть и убедиться, что там ничего не видно, что оттуда не поднимается шум, а лишь доносится слабый затхлый запах, точно от щепоти отсыревшего табака, застрявшего в чубуке трубки. Свет вдруг померк, словно день отказался родиться, и солнце вновь растворилось в море, покрытом тяжелой темно-серой пеленой. Заметно похолодало. От пота, выступившего на лбах и в подмышках, людей стала пробирать дрожь. Стоило покончить с непростым делом как можно скорее, иначе, оставаясь здесь, можно было подхватить простуду и приманить к себе смерть.

Спадон вместе с Учителем подтащили груз к краю пропасти. Все встали полукругом. Кюре осенил крестом тент, на который Спадон взирал с печалью – превосходный, еще совсем новый, способный прослужить долгие годы. Об этом и говорил требовавший возмещения расходов Америка, которому Мэр велел «закрыть пасть» и пообещал заплатить за этот дерьмовый тент из своего кармана, если понадобится, после чего Америка действительно заткнулся, пристыженный, но затаивший обиду. И Спадон, который терпеть не мог, когда даром разбазаривали добро, подумал, что у трех трупов не было никакой нужды в этом тенте для их последнего

⁹ Элемент облачения католического священника в виде широкой ленты с нашитыми на концах и посередине крестами.

путешествия, и не являлось ли дополнительным грехом то, что вещь, настолько полезная для живых, отдавалась мертвецам без всякой надобности.

Кюре прочел молитву, кое-как, комкая и пропуская слова. Все дружно перекрестились. Пчелы тоже, кажется, прониклись важностью момента, собрались вместе и летали молча. Потом священник вновь благословил голубой тент, откуда вода уже хлестала фонтаном. Оставалось только сбросить его вниз. Сия печальная участь выпала Спадону, понукаемому Мэром. Доктор, который наконец-то отдышался, с приклеенной к губам первой за это утро сигарой, сделал символический жест рукой. Правда, понадобилась помощь Учителя: нужно было толкнуть сильнее, так как тяжелый груз цеплялся за неровности почвы. Но три мертвеца, пришедшие неизвестно откуда, никак не желали расставаться со своим новым окружением. Так что пришлось навалиться всем миром и толкать по команде Мэра: «Раз, два, три!»

И лишь тогда голубой тент наконец полетел в отверстие, сопровождаемый шелестом шелка и пчелами, бросившимися вслед за ним и обрекающими на одиночество и священника, и остальных. Все дружно наклонились над краем бездны, стоя бок о бок, задыхаясь и пытливо вглядываясь во мрак. Каждый прислушивался, но внутри царила мертвая тишина. Можно было поверить, что три трупа канули в вечность, и им не грозило ни наткнуться на трещину наклонной стенки канала или выступающую часть породы, ни даже удариться о дно пропасти. Можно было поверить и в то, что эти люди никогда не существовали. Просто дурной сон в неудобной пустоте плохо проведенной ночи, когда слишком много выпито и съедено мяса с подливой, вот и привиделись эти фантастические, зловещие образы. Можно было поверить в тысячу разных вещей, которые позволяли забыть все и жить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.